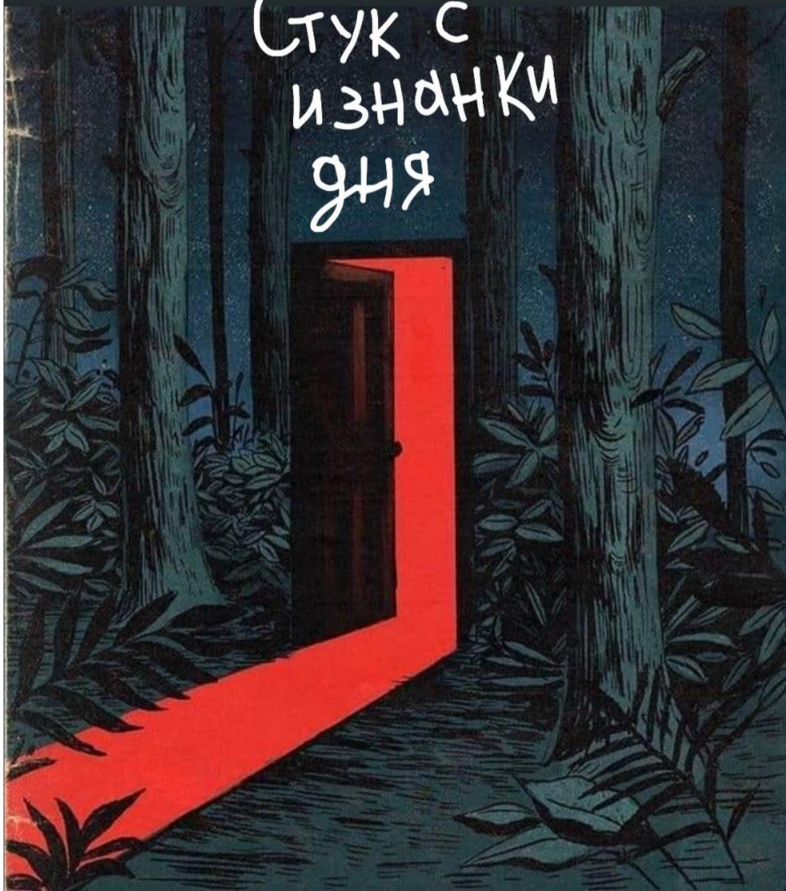

А. Назар

Стук с изнанки дня

(микрофэнтези, монологи,
видения)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Назар

Стук с изнанки дня

<https://litres.ru/74250882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда под полом навь, а под лужами на асфальте или брусчатке что-то зашито. Когда умер, будучи отражением. Когда туманы поют, а дом твоей родственницы перекраивает тебя под себя. Что почувствуешь и найдёшь за изнанкой дня?

Это очень короткие зарисовки, но с долгим послевкусием. Послевкусного вам чтения, заглянувший.

Содержание

Самая короткая ночь	4
По ту сторону зеркала	8
Глубже, чем кажется	10
Последняя шалость	14
Одного	18
Луна из воды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

А. Назар

Стук с изнанки дня

Самая короткая ночь

Чиркнул спичкой – и ночь прошла. Когда по полгода людей не видишь, можно поговорить и с тварями. Старый, в целом, не тосковал по людям, но в самую короткую ночь, если что-то приходит, почему бы, как говорится, и на встречу не пойти.

На маяке было ветрено, на море толкались темноголовые волны, если кому-то там нужен свет сегодня, то тучи и хрипло-горластый норд-вест его изрядно изжуют и сточат прежде, чем выплюнуть им в лицо.

Старый подумал, закрыть ли дверь, и тоже плюнул – на это дело.

Первым, конечно, был никудышный костлявый чёрт, буд-то не с этого моря, тут не наестся, думалось старику, было странно, хотя кто его, чёрта, знает, он неудачник по их там чертячьим меркам или просто такая конституция. Старый скептически глянул в его испитую костлявую рожу цвета луны и пены и молча зашагал вперёд.

- Не надумал? – уныло спросил чёрт в спину, хотя ответ, видимо, знал.

Что он может предложить, этот доходяга, и с чего они взяли, что одиночку проще сманить.

- Не такая уж вкусная у тебя душа. И с чего ты взял, что её где-то ждут, кроме как у нас?

Старый шёл дальше.

Чёрт шуршал галькой вдоль берега, всю ночь будет там шататься, может, это какой-то его индивидуальный чёрт? Приставлен, бедолага, следить исключительно за его, старого, солёной жёсткой тушей и надеяться, что там, под ней, что-то есть.

Он одолел подъём по камням и врезался в бабий крик.

Ива и кто-то кустистый, чьего имени он не знал, выясняли, кто рос тут раньше и кто имел больше права на землю. Они обзывались и требовали рядом растущих хвойных швырнуть в «пустокорку» шишками, хвойные, как всегда, пережёвывали своё спокойствие внутри стволов и под колко-хмурыми бровями держали нейтралитет. Даже обрётши голос на одну ночь, они его не использовали. Ива же и кто-то кустистый использовали, с точки зрения старого, понапрасну.

Пройдя сквозь крик, пары закипающей салицилки и плотный запах ругани – в обычное время деревья общались воню, их даже море не перебивало, вот и теперь – старый решил, что на обратном пути попробует спросить, не нужно ли им чего, если старые дурры вообще услышат, сколько он тут работает, а лесу до него дела нет, справедливости ради, ему

до леса тоже.

Оставалось недолго и недалеко.

Чиркнешь телом – и ночь прошла. Загоришься чуть больше, чем нужно, и не переберёшься, а потухнешь. Но та сторона втягивала, и надо было как умеешь. Его понесло со всеми, втянуло со всеми, он сжался и сразу расправился до... травы? Ветерка? Сверху сильный, но здесь, из-за них, стихает. Да, это, кажется, второй мир, значит, и в этом году нормально.

Огоньки прибывали из-под папоротников, мха и верхних корней, вылезших на воздух. Они собирались в струи, галактики чуть больше пня и стайки. Они гуляли со скоростью рек на равнине. Одни потекли в море – где чёрт со скуки наловил их в банки и расставил у костра на берегу; теперь у него приманка, можно выходить в море и рыбачить, душу какого-нибудь утопленника, если она не протухла на дне, можно продать своим же, этим же огоньком натрёшь – и вроде как праведник. Другие ушли в чашу, и что они там каждый год делали, старый не знал. Кто-то сел на иву и на кустистого, и, не в силах согнать их и сплюнуть, они обзывали их пустышками: ни плодов, ни корней, ни тепла, ни газа, ни съешь их, ни они, прости хвойсподи, тебя не едят...

Старый ждал на краю поляны и машинально перебирал гостинцы в кармане: свечной огарок, две-три спички, фо-

то кого-то, забытое прежним зрителем... у него, кстати, кончаются вещи прежнего. Ещё два-три года, и надо будет давать свои... Ну, или в море что-то вылавливать.

Дома ещё гостинцы...

Голубоватый, с бело-туманными краями, выделился из потока, немного поднялся и, в своём водяном – речном, не морском – ритме слегка покачиваясь, поплыл к старому.

- Привет, - раздалось из него неопределимым голосом.

Поначалу, в первые годы, старый пытался как-то его себе описать: взрослый он или нет? Есть у него пол, какие-то звуковые особенности? Старый всё-таки бы поставил на свой, мужской. А вот с возрастом всякий раз представлялось по-разному. Просто спросить – так оно не всегда понимало вопросы, вернее, не всякие. И не всё ещё могло объяснить для него, иномирного существа. Всё же бóльшую часть ночи они будут обсуждать, что каждый делал весь год. У него дела были однообразны, но огонь так не считал. У огня дела были разнообразны, но огонь так не считал, и всё из него приходилось вытягивать, выдувать из огня, высматривать в колыбельно-качающемся его теле – свете.

- Здрóво.

Старый полез в карман, и вскоре они возвращались назад к маяку. Впереди была ночь, но ночь была очень короткой.

По ту сторону зеркала

В основном, ты обездвижен. Заходят редко, а в восемь их человеческого вечера гасят свет и запирают дверь. С восьми их вечера до восьми их утра ты парализованный в темноте.

По будням меньше, по выходным больше – так можно предположить, какое время с их стороны, так можно предположить, что туалет где-то в парке или в похожем месте, где больше народу по выходным. Мне отсюда не видно дверь, а когда меня разворачивает к ней, я вижу нашу. Т.е. видел бы, если б она существовала. Всё, что не попадает в зеркало, не существенно. Не сущностно. Не существует. Вспоминаю слова. Пока я ещё что-то помню, я развлекаюсь этим.

Заходят мужчины и женщины, меня относит к краю, и дальше я становлюсь аватаром, управляемым ими, марионеткой в их человеческий рост, особенно я чувствую плечи, мышцы в предплечьях, затылок и шею как что-то одно, кисти рук, на которые льётся вода, я не чувствую, воды нет с моей стороны – она не попадает в зеркало.

Ты всю жизнь был только отражением. Как-то так. Ни одной своей мысли, ни одного действительно своего поступка – как-то так это объясняется.

Я не помню обстоятельств своей человеческой жизни – видимо, это так, раз теперь это так.

Кафельное пространство сминается в мешок по бокам от

зеркала и пропадает. Кафельное время струится по мне, по затылку, который я чувствую лучше, и ощущается как материальный объект. Прохладный. Держащий меня в себе. Я не знаю, есть ли условия, из разряда: десять веков так, а потом – если я не убийца в той жизни – переводим тебя в квартиру. Или в дом. В чей-то чужой уютный мирок, в котором можно попробовать привязаться к владельцу. Предел мечтаний зеркала.

А они думают, почему одно отражает красивым, как доброе, а второе... Хрен там плыл. Даже на доброту отражений я никак не влияю.

Я отражаю живых в общественном туалете. Без смысла. Воли. Вовлечённости. Это я развлекаюсь тяжеловесными их понятиями. Когда помутится рассудок, помутнеет стекло? Думаю, хрен там плыл и в этом.

До восьми их человеческого вечера я могу рассматривать – боковым зрением и прямым, в котором один ракурс, глазами двигают тоже люди – их человеческий туалет.

Глубже, чем кажется

Дождь наследил по мостовым и асфальтам и затопил работорой. От лужи до лужи было полвздоха, и Ст слегка благодарно следил за решётками, отправлявшими воду под землю, в тартарары, и наклонами некоторых улиц, им помогавших. Он подкрутил невидимость – весь день она барахлила, и он то бликовал, как стекло, то обретал лёгкую тень – налёт тени на асфальте, намёк на тень в воде.

Он набрал бликов из одной лужи, сделал пробу – нет. Солнце опять затянуло, мир посерел и стал дымчатым – как дымчато-голубые кошки, они иногда помогали, если кто из них сидел над лужей, насторожившись, и быстро трогал лапой, как незнакомое, можно было идти туда.

Сейчас кошек не было. Ст подошёл к следующей луже, прищурился, на поверхность воды всплыл большой громкий в смерти пузырь. Ст спустился на корточки, сосредоточенно сунул когти под край лужи и так же сосредоточенно отвернул край лужи, как край материи.

Проход, образовавшийся под, уже даже успел отрастить себе лестницу. Из дерюги и первых букв мировых алфавитов, ближе к этому миру – из алфавитов этого, чем дальше вниз, тем более из того. Значило это, видимо, что ребята там мирные и контактные, они б захотели поговорить, а с этой

стороны кто-нибудь захотел бы узнать, какое их убивает оружие.

Ст выдохнул, заглянул внутрь, мира видно не было. Он потрогал дерюгу и буквы, ему было жалко их обрубать. Снова выдохнув, он стянул упиравшийся асфальт над проходом и тщательно зашил нитками, хотя те сегодня тоже бастовали: путались, как маразм, перед самым когтем вместо того, чтоб в него вдеваться, Ст был терпелив, но всё же, к чему бы это.

Лужу он аккуратно расправил как было, но, посмотрев на отражение тучи, которая уже с минуту как переползла на другую сторону улицы, выдохнул в очередной раз, бережно подцепил лужу с пыли, скатал и убрал в пакет и рюкзак, когда он пойдёт мимо водоёма, он выпустит лужу туда, там меньше вероятности, что в неё наступят.

Потом вспомнил, что забыл осмотреться. А ведь это база, это профстандарт, видимо, это всё та же его барахлящая нынче невидимость.

Следующая лужа с сюрпризом была на брусчатке, она стала рельефной с обратной стороны и корнями протекла в землю. Мир под ней был ледяным, и корни воды замёрзли. Выкорчёвывать лужу был геморрой, Ст к тому же не любил ломать. Он пролил уйму времени там и почувствовал вопрос в желудке.

Пользуясь кой-какой невидимостью, он стащил чужой заказ в Ростиксе до того, как его взял курьер, а выбрасывая потом остатки в урну, нашёл стакан с недопитым кофе, к кото-

рому примешался дождь и проел дыру в мире и там. Это было красиво, но мелко так, что глаза болели, будто их шмякнули в сковородку и нагревают в шкворчащую глазунью. Пинцет, когти и вновь уйма времени.

Лужи сиреневые, серые, бензиновые, бирюзовые, с рыбками. Иногда лужу можно было оставить, ведь кеды, ботинки, шпильки в принципе не стремятся в них наступать, но если рядом водились дети...

В сумрачном мокром парке возились с фонтаном. Что-то агрессивное рвалось из, и куча них суеилось вокруг и над. Ст, разумеется, тоже включился, суета и работа одинаково походили на дождь, Хрк рассказал, что в Лефортово идиот какой-то полил лужей дерево, Шрк пролил мир в стаканчике вроде того, от кофе, в фонтан, в агрессивность, убил, так сказать, одним движением, прозрачные камни и ветви для горизонтальной дамбы тоже чуть бликовали, но среди брызг не явно, «вода – универсальный переходник» - ну дел кто-то для новых.

К вечеру Ст нашёл ещё два погибших мира и три живых. Вода течёт во всех мирах и не вжурчивает, что не всегда хорошо пересекаться. Он лежал на краю мира, очень похожего с этим: там тоже виднелись закатные небоскрёбы и залив... Хотелось крикнуть в провал: вы туристов берёте? Я только в отпуск... Ну, или пахабное что-то крикнуть, так, идиотства ради... Хотя кто знает, какие проблемы у этих закатных и той воды.

Ст аккуратно зашил этот мир, нить перестала путаться к вечеру.

В сумерках он залез и прочистил собой водосточную трубу, проползя насквозь, а на той стороне выполз в мокрое раннее утро у реки и травы, где спали три лодки: жёлтая, розовая, синяя, - и какая-то сонная личность с клювом, длинными тёмными водорослями из черепа и ногами цапли лениво проговорила:

- В жёлтую сядешь – богатым будешь, в розовую сядешь – женатым будешь, в синюю сядешь – в покой уедешь.

- Отхлынь, - тоже лениво сказал Ст и отправился спать: ему, как всегда, предстояло работать в ночь.

Последняя шалость

То потухнет, то погаснет – это про их свет. Электричество умерло, отопление не вернётся, газ иссяк и вода ушла к другим. Дом набит пустотой, пустота безразлична к звукам, запахам и к нему – Домовому, как это зовут люди, дураку, как это зовёт теперь он. Какие слова сообщают о скорой смерти? Неизлечимо? На пол, ублюдки? Революция? Оккупация? Реновация.

Переезд, если по-простому. И снос.

Домовой потрогал решётки на окнах, прикинул, сколько энергии съестся, сдвинул одну для пробы – пока терпимо – и принялся рисовать. Т.е. лепить. Т.е. менять узор на решётках.

Он пытался готовиться к смерти, если к ней можно, ну, вы знаете – когда разобрался, чё значит «реновация». Что его позовут, шансов было ноль целых, хрен десятых, но он, идиотина, даже не попытался что-то сделать тогда. Наверно, всё из-за старости дома, энергии в нём оставалось ноль целых, х... в общем, из-за него домовый бывал вялым, когда слишком уж подключался к стенам, стёклам, половицам, электроприборам, трубам, печам, проводам, шагам по нему, людским и зверячьим – только люди могли это нейтрализовать, они были одушевлёнными и с энергией.

В доме было темно и на улице ночь, сперва он хотел днём, чтобы кто-то видел, но возможный шок и инфаркт – не его цель сейчас – шалости в прошлом, при чём в глубоком.

На первом окне что-то простенькое: ёлки, дом, дым из печной трубы, дымаВой – он когда-то в таком жил – разумеется – пока бабка Наталья не позвала его с собой по всем правилам и не перевезла сюда, когда саму её перевезли её дети. Здесь чертовски мало было других домовых в округе, и поначалу он не понимал, отвечает ли он за всю эту кучу песка, камней, клея, железа, всю махину со всеми ячейками, всех людей в ней, в общем, всё, что отграждено от неба, травы и бродяг и от подземелья одними стенами, или лишь за своих, которых знал и кто привёз, и кто теперь обитал за одной из дверей в одной из ячеек и лишь иногда заходил в соседние. Где кончается его дом?

На втором лучше надпись. Станут люди отгадывать символы, жди, угу. Прямой текст – к прямым следствиям. «Забери меня. Домовой» - сэкономил силы, а вышло как будто там запятая, не точка. «Забери меня. Твой домовой» - бядь, а это сочтут шалостью. Но как ещё написать, он не знал.

Шутки он любил, давно и серьёзно-раньше («серьёзно» относится к раньше, не к любви). Скрутить занавески в жгут, привязать к волосам спящего, спутать шерсть животному, что-то спрятать, рисовать зубной пастой – кетчупом – вареньем – сгущёнкой – нутеллой – ну, вы поняли – почему не

написал тогда? – убирать ступеньки у лестниц, просто воздух оставлять взамен, пусть по перилам ползут – почему не написал? – его не любили – путать провода, но это оказалось опасно, ловить ворон и запекать в духовке – почему не написал? – розетка бьёт током, вы знали? – устраивать засор, перекрашивать ночью крышу, шептать – кто возьмёт того, кого не любит? – переносить ковры из одной квартиры в другую, бубнить – кто захочет? – тараканов красить во все цвета радуги, орать – доигрался?

Он стал рисовать плесенью – дому уже плевать.

Смерть для песка и камня – это переродиться в другом качестве, а для него – он не знал. Домовые исчезали.

Внутри дома была своя ночь. Энергию на шалости можно было брать лишь от людей – нет, не вампирить, ну почему всегда думают худшее? Просто есть люди – есть энергия. Даже если дом дряхлый, скрипит костями из дерева и металла и плачет ржавчиной. Даже если, вживаясь в него, ты почувствуешь, как твоя кровь уходит из тебя сквозь свищи в трубах. Даже если ему пора умирать.

Завтра люди увидят, и никакого шока не будет. Не потому что ночь, потому что привыкли. Может, даже вниманья не обратят. «Ни одного, сука, лайка», как сказал бы один из квартирантов.

Ему нужен один. Хотя бы. Зашедший бы внутрь. Он обернётся собакой, эрдельтерьером, они не слишком крупные и не мелкие, не линяют, они приглянутся многим. И человек

подумает: что здесь делает эрдельтерьер? – и, если не свалит на домового, заберёт эту собаку куда-нибудь. И, если ему, домовому, хватит энергии, потому что он, домовый, уже истощён, он даже дотащится в виде собаки в это куда-нибудь, и, если это куда-нибудь будет здание – дом – он, возможно, сможет остаться – не домовым, для этого надо по правилам – он не знал, кем.

Почему не сделал, не сделал так раньше, почему... Он был уверен, пожалуй, что кто-то скажет: у нас такой необычный дом, вот бы его не сносили. Верней, нет: у нас такой нестандартный дом, вот бы этот говнюк и в новом обосновался – всё прикольней как-то – и всё: это бы считалось за приглашение. Но сказать нужно было внутри, а теперь...

Можно днём побродить у дома собакой, да, можно, это же логичнее, это же... Почему... что-то путалось в домовом, что-то запаздывало. Он зачем-то попробовал покрыться шерстью, хотя пока энергию нужно было беречь – шерстью стала цветная плесень.

Одного

Что-то укачивающее скрипело – вроде, ведро – что-то такое. Туманный дракон был неплотным, сквозь него было видно: дома, сараи, колодцы... - но солнце таки съел. Или просто оно снаружи, а всё, что здесь, и он теперь тоже, внутри. Шаги хрустели, наверняка давили каких-нибудь спящих насекомых, мышь на дороге свернулась комком – сон застал на бегу. Он побаивался подходить к домам. Сквозь дышавшего на него дракона подходить к окнам, заглядывать в них, стирая драконье дыхание, но добавляя своё. И смотреть на спящих – там, где застал сон.

Но они находили его на дороге. Серый в яблоках конь, совсем как туман, как дорожная пыль и камешки, спал, поджав под себя ноги, на этой самой дороге меж заборов. Морда спокойно повёрнута в бок, грива дышит, дышит шея, бока, спина... будь это незнакомый конь в незнакомом месте, было бы хуже. Или лучше?

То ли для пробы, то ли из чувств мальчик подошёл, осторожно погладил гриву... Узнаваемо. Ничего не произошло. Животное повело ушами, фыркнуло... не проснулось...

У колодца спала соседка с выпавшими вёдрами. Это уже походило на смерть, или обморок: платье, волосы, поза, трава вокруг... впрочем, дыхание, не только драконье, но и со-

седкино... мальчик смотрел, но подходить и касаться было страннее, чем с конём. Он не стал. Пока. Или вообще. Кто знает.

Дыханье дракона ползало с крыши на крышу, невысоко, от стены до стены, и из некоторых труб шёл дым – почему не возникает пожар?

Мальчик смотрел, мальчик пробирался медленно, он немного оттягивал главное, или нет. На заборе дремал петух. Дыханье дракона, вползая в хлева и сараи, почти совсем не пропитывалось запахом. Сгоревшей едой, пролитыми жидкостями, ничем таким тоже не пахло, только трава, земля, роса, собственно туман, собственно дракон.

Конь пах конём, если вспомнить, петух – птицей, женщина – наверняка женщиной.

Под окном своего дома на бревне спал соседский дед, в чём-то сером и тёмном, тоже вполне подходивший к туману.

Их двор был тих, как все, в нём спала собака, печь молчала, над ней ползал лишь дракон. Мальчик осмотрелся, подышал драконом, но дыши – не дыши, надо входить.

Все, кроме старшей сестры, оказались внутри. Мать на полу, горшок с едой разбит, еда свежая. Жёсткой щёткой в груди – прошлось, пропало, вернулось. Почему-то он не бросился поднимать её, тащить на лавку или на полу укладывать как-то, как спят обычно. По крайней мере, сразу. Сначала нашёл всех – глазами, не прикасаясь – в том числе себя в зеркале, всклокочен, как тёмный веник, под глазами и в гла-

зах серая тень.

Сестра нашлась в хлеву, корм рассыпался, падая, стукнулась головой, была кровь, могло быть смертельно, но сейчас дышала.

Отец задрал голову, сидя, будто кто-то её держал, кадык выступал, кто-то мог провести по нему ножом. Обычно храпел, теперь нет.

Самый мелкий спал в люльке, для него ничего почти не изменилось.

Где-то в деревне мог быть беременный живот, и он тоже спал.

Итак, лишь одного.

В икрах, ляжках, руках под плечом и выше кисти завелись бешенные карлики, они колотились, и звалось это дрожь. Но голова мальчика не обращала на них особого внимания, она должна была решать.

Время не поджимало, можно было гулять хоть весь день. Поджимала сама необходимость. Прямо как обувь не по размеру. Необходимость туже, чем он уже умел выносить.

Старики отпадали сразу. Он подошёл к бабушке и дедушке, постоял над ними, пытаясь направить в них мощную волну из чувств и объяснений, подержал за тёплые руки, попытался обнять – т.е. обнял, но всё это, особенно волна, было со спящими людьми... Он убил их.

Так это было в его голове. Так это было в каком-то смысле. Мама. Он хотел маму. Мама была тяжёлой. Все остальные

заменяемы, он убьёт маму и будет гореть в аду. Как известно, одного убьёшь или тысячу, ты всё равно убийца.

Он забрал мелкого, потому что только его он и был способен нести.

Он вышел в дыханье дракона, и вокруг были дома, где он всех убил.

Мелкий вырастет и станет бить его и плевать в лицо, потому что он спас его ценой убийства.

Мальчик вернулся в дом.

Через полчаса или больше он, наконец, дотолкал телегу до пристани. Какая-то вода, то ли пот, то ли слёзы, то ли слёзы тумана и слюни дракона, всё текло по нему. Человек в лодке был в той же позе, как он его оставил: чуть сгорбленный, равнодушно смотрящий вперёд.

Мальчик вздохнул, человек обернулся и глянул сперва на его лицо, а потом на его груз.

Мальчик всё-таки думал, что человек поможет, но тот не шелохнулся.

Опустить телегу. Восстановить дыхание. Впрочем, к чему... Сперва мальчик перетащил мелкого, потом долго возился со средней сестрой. Уложил её в позе мёртвой, промочил ноги, свои и её, край подола – её, концы волос – её, разложил ей руки не как у мёртвой, положил к ней на грудь мелкого, подозревал, что он может свалиться, но, если рядом, она может двинуться во сне и убить. На человека надежды не было, мальчик зло посмотрел на него, человек посмотрел

равнодушно.

Мальчик зло – но уже не так зло – вздохнул и пошлёпал на берег. Человек подождал, пока он не будет мешать вёслам, взялся за них и, равномерно дыша, погрёб обратно.

Мальчик смотрел с берега, а дыхание дракона ело и лодку, и его.

Луна из воды

1

Луне в пруду надоело, что в неё вечно втекают какие-то жидкости. Вот и этот гад уронил свою банку с пивом – ещё и с моста – конечно, жалел, но луне-то что. Отражение отделилось от остальной воды, взмыло в воздух и подлетело к хмырю. Порябить у него в глазах и немного проветриться от всего, наполнявшего воду. Хмырь попятился, округлил глаза с неё и, стараясь слиться с пространством, упятился с набережной.

Неизвестно, что решила тогда луна, но её понесло в город вслед за хмырём.

Напугав пару кошек, таксиста и двух целующихся, она оказалась на улице, освещённой так ярко и разнопланово, что она вполне вписывалась в обстановку, почти сливалась, почти могла быть объяснённой каким-нибудь спецэффектом.

Луну интересовало всё, что светилося или отражало. Она подлетала к витринам, смотрелась в них, понимала, что не так собрана и сосредоточенна, как её прототип, ну и что, её привлекли чучела людей за стеклом из какого-то гладкого материала, особенно то, что вместо голов у них ноппэрапон – слово, которое знала луна настоящая, из Японии, и переда-

вала ей – гладкий шар без отметин и выбоин: ни глаз, ни рта, ни носа, ни форм для них, ни ушей, ни волос, ни способности пить пиво и проливать его в пруд *.

Луна подлетала к гирляндам и фонарям, к рекламным огням и тем окнам, что ещё светились. Вокруг всего этого обитали мошки и жуки, и многие из них переключались на неё. Они погибали, вляпываясь в её тело, и, вляпываясь в фонарь, гибли тоже.

Из окон никто не смотрел на неё, а на улице она напугала дурно пахнущего чувака и согнала другого, скоро запахшего бы дурно, с перил, потому что он собирался добавить себя в воду – тем же методом, что и хмырь с бутылкой.

Таксист выругался, второй раз встретившись с ней, а она увязалась за ним, потому что его машина тоже светилась. Кто-то орал на неё – клиентка таксиста – и ничего таксист в ту ночь не заработал. В конце концов, он плюнул и двинул спать, а луна, когда он сделал машину тёмной, двинула по проводам фонарей обратно на цветные улицы.

Луны в фонтане, реке и стёклах смотрели за ней, подумывали присоединиться, но то ли привычка, то ли родные места и рамки держали их, пока.

Кто-то снял её на мобильник, кто-то сказал: «Приблизилось Царствие Его», кто-то поплёлся за ней, потому что не делают шаровые молнии из воды и бликов... Другие спали.

К утренним сумеркам она вылилась в свой пруд, на своё место и разлеглась на нём, гораздо более яркая, чем должна

быть в этот час. Её качало и постепенно тушило, заполняя серым и погружая в дурацкие дневные сны о кошках, утках, пивных банках, ноппэрапонах, утопленниках и луне.

2

Луна в воде танцевала по-разному. В первую ночь блики поднялись над остальной водой, встали на воду ножками и превратились в существ. Они начали с хоровода – что было логично в честь формы луны. А потом разбежались в целое шоу – жаль, что без музыки, но наверно им нельзя было будить людей в санатории. Рита смотрела почти из кустов – учитывая высоту инвалидной коляски, это как раз было со средний куст. Они использовали кувшинки и камыши в качестве реквизита, делали из них шляпы, лодки, вёсла, шпаги и трости, иногда их балет приобретал сюжет, а иногда это, кажется, просто было искрящееся, светящееся, прыгающее, летающее и волнующееся шоу. Луна в небе никак не реагировала на то, что её отражение где-то там за 400 000 км. Так инфантильно себя ведёт. Она не восстанавливала его в целое, не создавала другое...

Осока чуть колыхалась, деревья стояли прямые и сонные, даже вода не отвечала на их движенья – ни брызг, ни волн – казалось, свидетелей нет. Весь следующий день Рита была благодарна бессоннице.

На следующую ночь водная луна поднялась из воды целиком – как дробящийся, но держащийся вместе шар. Даль-

ше было похоже, как будто её запульнули в один край пруда, оттуда в другой, в центр, в третий, волны там прогибались или вытягивались на миг смешной узкой дугой – так рисуют худых привидений. Со временем Рита, кажется, уловила правила – как и в любой игре с мячом, нехорошо, чтобы мяч улетал в кусты – собственно, он улетал всего пару раз – в осоку, в первый раз разбудив недовольных уток, во второй молча, пруд становился, как Рите казалось, немного ровнее, чем свойственно настоящей воде – ну, т.е. дневной воде, т.е. обычной воде во всех мировых водоёмах – и из осоки шар медленно возвращали на водную гладь, не пронизанную стеблями в таком количестве. Рита дышала тише, хотя возможно, они так увлечены, что и не заметили бы. Небо было высоким для августа, звёзды крошились щедро, и дышать было легче, чем днём. Комары болели за левый край пруда, Рита заворачивалась в одежду и тряпки до носа и думала: что они станут делать в дождь?

В третью ночь отражение не стало выходить из воды, оно разделилось на световые фигуры, менявшие формы в танце, прямо на плоскости – т.е. волнистости – и иногда уходившие в глубину. Оно показало фильм на поверхности пруда, водомерки, личинки стрекоз, комаров и прочие иногда попадали в кадр у берегов, но в целом не мешали. Пара рыб вынырнуло кого-то съесть или взглянуть на луну настоящую, далеко, почти, в отличие от этой, статичную.

А потом из пруда выползла русалка, истекая водой, и, гля-

нув точно на Риту, поползла к ней по траве и глине.

В четвёртую ночь Рита чувствовала что-то между нервной печалью и грустным мандражом. Они сказали, ведь твои ноги совсем как наш хвост, зачем ездить в коляске по суше, когда можно уйти под воду и управлять лунным светом?

Она распустила волосы – как раз длинные, как летопись – подышала на руки, взглянула на пруд и его две луны и осторожно, немного колеблясь, поехала вглубь, по траве и воде, по лунной дороге в новую жизнь...

* Ноппэрапон - сверхестественное существо из японской мифологии, днём как человек, ночью видно, что вместо лица у него гладкий шар (и по некоторым версиям ещё сотня глаз на икрах)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.